

Абсолютное vs Абсолют: догматика отношений

Костенич Владимир Анатольевич,

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В статье анализируются некоторые «аксиоматические» различия в истолковании бытийных параметров и мировоззренческих фокусов смыслового освоения феномена «Абсолют(ного)» в таких формаобразованиях духа как искусство, религия и философия.

Общеизвестно, что религиозная герменевтика бытия изначально наделена «догматическими» детерминантами и потому концептуально неуютна для мировоззренческой шлифовки своих оснований «посторонним Разумом». Всеуму существу, в том числе и самому Творцу, уже предпосланы «граничные условия» бытийствования на «эмпирическом уровне» его фактической данности. Для философии же «феноменологическая редукция очевидностей наличного» к их исходным смысловым архетипам является имманентной установкой и теоретическим априори. Философия смотрит на мир сущего поверх любых постулативных ограничений, акцентируя во всём («данном вос-Приятию») идеальную ойкумену «сущности».

Онтологические вязи сущего, существования, качественной определённости, единичности и всеобщности трансформируются философским сознанием в интенцию «мыслить предельно-за-предельно», лексически и понятийно отыскивая в любом экзистенциальном (ф)акте бытия его «финальное начало». Именно так, диалектически-парадоксально, вечно-временно, смысло-флуктуационно, словесно осциллируя на «гранях зауми», философия ищет (пред)последнюю инстанцию (всего) сущего, которая в своей «платоновской неотмирности» преодолевает соблазны мыслить себя «корпоративно приватизованной». В том числе, и «религиозно».

Проблема, при этом, не столько в том, что философский склад ума тотально (критически) нелицеприятен к любым Авторитетам и смысловым беспрекословностям, сколько в потребности «додумать до многоточия» (а точнее «до многоточности») тот «интервал абстракции», в котором вязнет всякая «национализированная мысль». Философия не против «философских доказательств бытия Бога», свидетельствующих о его (возможно ...действительном) «существовании». Она лишь возражает против того, чтобы «существованием Бога» как изначальной смыслонесущей реальности, ограничивалось наше личностное отношение с его подлинной Сущностью. Верующему – «божью благодать», молитвенное преклонение, иконописное умиление, готическую возвышенность, Достоевщину раскаяния, а философовствующему – диалог смыслов, основательность идейной внятности, паритет доверия, превосхождение «частностей»...

Гегель, по-своему гениально, располагает «религиозную проекцию» (Абсолютного) Духа «между» образными вселенными художественного воображения и мировоззренческими прозрениями философской археологии сущности.

Искусство насыщает человеческую жизнь образами и символами, как строительным материалом для наших экспериментов с собственными сущностными «возможностями», претендуя на «(по)граничные переживания растревоженной души. Человек УТЫкается в «близость наглядного»; осваивает свои «душевные подполья и ресурсы»; драматично мигрирует в эмоциональных потоках «не(до)сознания», отдаваясь впечатлению квазииспытания своих чувственных палитр. Здесь виртуальная абсолютность «относительного» довлеет над стремлением прорваться к «истокам естества»; краснорубино убаюкивает «лицезрением» феноменов сущего, притормаживает на склонах слалома образов. Самодостаточная «условность» тиражирует конвенции безостановочной «продуктивности» новых «произведений» (возможного) бытия. Да, порой «шедевральных», но с позиций юрисдикции «западающего исторического Разума». В общем, сценарии, подменяющие (а порой и отменяющие) жизнь. Сериалы языческой всеядности. Абсолютное зыбится в облаке ассоциаций, сквозит в своих образных прекословиях, расточает себя в «обликах»

атмосферных флюидов (все)возможного. Интерпретация и реинтерпретации – абсолютны, конечный же (абсолютный) Смысл важен «постольку-поскольку...»!

Монотеистическая версия бытия (по тому же Гегелю) трансформирует игры искусства с символами иноказаний сущего в муки вопроса о его сверхъестественном «Первосущем». Абсолютное обналичивается в Абсолюте! Лишь в перспективе божественного «Да будет!», любое произведение сущего (в том числе, и искусно срежиссированное человеческим воображением) обретает «право на существование», оказывается «пробой разнообразия», допускается к конкурсу на абсолютность. Красота эксплицируется «совершенством». Вечное вторгается во временное. Человеческое творчество «по образу», переосмысливается в контексте «священнодействий подобия». Возникает «критерий святотатства». «Кошунство (языческих) исканий плоти и душевных настроений» художественных вымыслов, перестает быть «политкорректно допустимыми» и оказываются «богохульством» перед Лицом божественной «подсудности». Творчеству запрещается быть «стоппотворением одержимой безудержности», подменой Творца, либеральной самодостаточностью самомнения. Речь, разумеется, идёт не о кодифицированном табу на человеческое творчество искусных изображений (некоего) сущего, а о «худсовете» Божественного Зрителя, инкорпорированного в эстетический гипотетамус наших творческих исканий и вкусовых пристратий. Творчество становится (и божественным) испытанием и испытанием человеческого существа, его моисеевой одиссеей в мире смыслов и артефактов. Мировой Разум узнаёт об «абсцессах человеческой гордыни», посягающей (с помощью провокаций искусства) не только вопрошать себя о том, «кто Я – тварь дрожащая или право имею?», но и «преступать» в пространство «эстетизации безобразного», совершая грехопадения богоборческого хтонизма. Возникает контроверза Абсолют(ного), Божественного...

Философия, безусловно, лоббирует в человеческой культуре духовную топикку Абсолютного. Божественный Абсолют рассматривается философским сознанием лишь как одна из ипостасей Абсолютного. Мир отныне мыслится не «по образу и подобию» Бога или Человека, а в качестве пантеистической версии не идеального «инобытия» неких («должных») онтологически, этически и эстетически «состояний сущего». Философия призвана «со-образить» эти состояния в динамике своих «слов-понятий» и, не дискриминируя религиозные и художественные эспектации бытийных аксиологий, дезавуировать из общественного сознания те из них, которые являются «уничжительными» (богоборческими) для ценностной органики религиозного сознания и деструктивными для «зоны человечности» в репродукциях художественного творчества. Констатируется, что для Бога тоже наличествуют «стандарты (не)допустимого» бытия...

В своём изложении должностований сущего философская мысль ориентируется на ассимиляцию тех «возможностей» и «святынь» сущего, которые культивируют Абсолютное ОбщечелоВечного, а не абсолютное «приватного Бога» или «приватного вкуса». Она не экуменична (в своих религиозных приоритетах) и не толерантна (в отношениях с «произволом» художественного поиска), а императивна в обосновании «границ самоубийства» наших вероисповеданий и «маний величия» воображения.

Человек имеет право молиться тому или иному Богу (смыслу, символу или образу) памятуя о том, что они допустимы не по попустительству Творца или нашей, свихнувшейся от инцестов панибратства, творческой спонтанности, претендующей

мнить себя гуру бытия. Философия канализирует историческую и экзистенциальную «памятливость присутствия в бытии» в русло её пребывания в ответственной щепетильности за «памятники Абсолютно должного». «Божественно!(е)» – только восклицание нашей эстетической пронзённости и религиозной освящённости Абсолютным, проекция его мировоззренческих Ликов и провозвестие к катарсису подлинности.